

ОБРАЗ УЛИЦЫ В ПОВЕСТИ «ШИНЕЛЬ» Н.В. ГОГОЛЯ: АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ И ПРЕДИКАЦИИ*

Аннотация. В статье рассматривается художественное пространство Петербурга в повести Н.В. Гоголя «Шинель» через анализ предикативных конструкций, сочетаний с лексемой «улица» с целью выявить характерные черты, присущие улицам столицы.

Ключевые слова: номинация, предикация, предикатная лексика, идиостиль Н.В. Гоголя.

Художественное пространство, созданное Н.В. Гоголем в «Петербургских повестях», многогранно и динамично. Оно то расширяется до целого Петербурга (образ пронизывающего город и всю жизнь Невского проспекта), то сужается до маленьких улочек этого города. Автор создает зримый и осязаемый образ столицы российского государства, используя средства номинации и предикации – единицы идиолекта. Предметом нашего исследования в данной статье будут предикативные конструкции с лексемой «улица» в повести Н.В. Гоголя «Шинель» с целью выявить характерные черты, которые создают в гоголевском текстовом пространстве образ Петербурга.

Улица – это открытое пространство вне дома: *Вышел на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне* [1: 138]; *Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу* [1: 144]; *Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он (Акакий Акакиевич) вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и опустился по лестнице на улицу* [1: 146]; *Как сошел с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич* [1: 153]. В данных контекстах эти смысловые компоненты слово раскрывает при использовании в функции обстоятельства места: *на улицу* передает прямое значение ‘пространство вне дома’. Предикат, обозначенный словоформой *вышел* (*выходить* – ‘выходить откуда-нибудь, покидать пределы чего-нибудь’), передает семантику основного действия героя, однако у Н.В. Гоголя нами выявлены предикаты, передающие дополнительную ха-

рактеристику. Перед читателем разворачивается в рамках сюжета эпизод, где Н.В. Гоголь рисует, что вначале Акакий Акакиевич, выходя на улицу, *был как во сне* – ‘(как во сне): 1) о чем-то восхитительном, необыкновенном; 2) о полусонном, полубессознательном состоянии кого-нибудь, о состоянии человека, временно утратившего способность отчетливо, ясно что-либо слышать или видеть, разбираться в чем-нибудь’. Думаем, что в данном контексте контаминированы оба значения, которые дополняют и расширяют друг друга. Это специфический прием использования полисемантического слова, известный как расширение семантического объема ЛСВ. Таким образом, Н.В. Гоголь обозначает имплицитно, что Акакий Акакиевич был одновременно в необыкновенном, мечтательном и в полубессознательном состоянии. Благодаря предикату *был как во сне* проявляется тема реального/ирреального, которая очень ярко заявлена в «Петербургских повестях» [4].

Предикаты следующего микроконтекста говорят о быстрой смене событий: Акакий Акакиевич *оделся* (*одеться* – ‘облечься в какую-нибудь одежду, надеть на себя какую-нибудь одежду’), *надел* (*надеть* – ‘облечь себя во что-нибудь, покрыть себя чем-нибудь’) (*шинель*), *вышел*, *опустился* (*опуститься* – ‘сойти вниз, спуститься’) (по лестнице). Этот фрагмент позволяет понять, что описан герой, находящийся в приподнятом настроении, что мотивировано предшествующей ситуацией: на нем новая шинель, поэтому он и находится *как во сне*.

Далее Н.В. Гоголь усиливает психологическую характеристику состояния Башмачкина, используя в предикативной конструкции простое глагольное сказуемое, передающее быструю смену действия/состояния: Акакий Акакиевич *сошел* (*сойти* – ‘идя, спуститься’) (с лестницы), *вышел на улицу*, *не помнил* (*не помнить* – ‘утратить из памяти, забыть’) (ничего). Здесь характеризуется герой, находящийся в полубессознательном состоянии, однако уже не от радости, а от горя и разочарования. Все, что у него было, – новая шинель, но Башмачкин потерял эту ценность. Здесь тема «маленького человека» проступает очень ярко. Автор изображает

* © Рябиничева Т.Н.

Акакия Акакиевича Башмачкина на улице, и когда тот купил новую шинель, и когда он ее потерял, следовательно, улица отражает все изменения, происходящие с героем, на улице все чувства, таимые в душе, оказываются зримыми. Улица в контексте Н.В. Гоголя – зеркало человеческого бытия: счастья и трагедий.

Улица является местом передвижения людей. Изображая Башмачкина, автор характеризует мельчайшие житейские подробности и представляет также скромное бытовое мышление «маленького человека». Герой Гоголя думает о том, что нужно экономить абсолютно на всем: не зажигать лампы, не пить вечером чай, даже ходить по улицам, ступая очень осторожно. Улица для такого типа человека в гоголевском Петербурге – расточитель скудного достояния: *Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя по крайней мере в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок...* [1: 141]. **Акакий Акакиевич** в этом контексте охарактеризован благодаря использованию таких предикатов, как *думал* (*думать* – ‘размышлять, производить какие-нибудь умозаключения’), *решил* (*решить* – ‘обдумав, прийти к логическому выводу, остановиться на каком-нибудь намерении, избрать образ действий’). Конкретизаторами действия *ступать* являются наречия на -О в сравнительной степени *легче* (*легко* от *легкий* – ‘перен. неощутительный по весу, лишенный громозкости, воздушный (книжн. поэт.)’), *осторожнее* (*осторожно* от *осторожный* – ‘бережный, негрубый, деликатный’), выражение (*почти*) *на цыпочках* – ‘на кончиках пальцев ног’. Как видно из контекста, Гоголь стремится подчеркнуть, что герой осознанно обрекает себя на определенные ограничения и даже лишения (на это указывают глаголы *думал*, *решил*), единственно чтобы скопить при скудном жаловании достаточно денег и заказать новую шинель. Шинель – это не только теплая одежда, которая защищает от холода, но и показатель социального статуса, положения в обществе. Тема улицы остается в этой линии развития сюжета имплицитной, ее содержание раскрывается благодаря ассоциациям, возника-

ющим у читателя на основе фоновых знаний: улица=холод, улица=неуместность плохой одежды, из-за которой следует унижение и осознание еще большей степени личного ничтожества человека (с бессмертной душой), что недопустимо для Гоголя-христианина. Именно это и послужило мотивом появления в творчестве Н.В. Гоголя темы «маленького» человека, ярко воплощенной в «Петербургских повестях».

Тема одиночества человека в мире, в огромном городе, на этих бесконечных и запутанных улочках прослеживается в «Петербургских повестях» в изображении злоключений на улицах: *И всегда что-нибудь да прилипло к его (Акакия Акакиевича) вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор* [1: 132]. Подлежащим является личное местоимение **он**, предикаты **имел искусство** – (*иметь искусство* – ‘умение, ловкость, тонкое знание дела’) **поспевать** (‘то же, что успеть (разг.) – прибыть к сроку, к определенному времени куда-нибудь’), **уносил** – (*унести* – ‘уходя, взять с собой’). На наш взгляд, автор намеренно снижает значение словосочетания **особенное искусство** (то есть исключительная способность), давая понять читателю, что герой настолько рассеянный, невнимательный к происходящему в мире, что это считается его отличительной чертой. Писатель заостряет внимание на том, что психологическая взаимосвязь человек-город/улица очень тесная: потерять что-либо в городе очень легко, заблудиться в нем возможно, от этого обостряется чувство одиночества и ненужности. Таким образом, улица становится зеркалом и неудач человека, его жизненных поражений.

Улица не всегда привлекает внимание гоголевского героя, если она чужда ему. Акакий Акакиевич Башмачкин полностью погружен в себя, он не замечает, что происходит вокруг него. *Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы* [1: 132]. Субъект действия – **Акакий Акакиевич**, предикаты **глядел** (*глядеть* – ‘направ-

лять взгляд, иметь глаза направленными на кого-что-нибудь'), **видел** (*видеть* – 'воспринимать зрением'), **замечал** (*замечать* – 'увидеть, обратить внимание на кого-что-нибудь'). Предикаты реализованы как однородные сказуемые, которые являются в языке синонимами (см.: виднеться – выглядывать – смотреть – глядеть, заметить – подметить – отметить) [3]. Однако Н.В. Гоголь, используя указанные глаголы (**глядел, видел, замечал**), расширяет семантику действия «увидеть», дополняя ее семантикой внутреннего состояния героя. «Маленького» человека не принимает окружающий мир, люди, поэтому Башмачкин одинок, погружен в свой внутренний мир. Следовательно, он не замечает, что происходит вокруг него, поэтому улицы и город игнорируют, даже унижают, когда «**на него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор**». Город давит на него, заставляя ходить взад и вперед, метаться, улицы и дома становятся похожими одни на другие: Гоголь стремится показать, что человек беспомощен перед властью улицы и города.

Но не только улица не замечает своего жителя, оказавшегося в затруднительной ситуации, – сами люди не замечают друг друга. Проанализировав средства выражения субъекта и предиката, а также семантику, в том числе коннотативные оттенки смыслов, возбуждаемые автором в рамках широкого контекста у единиц, выступающих в роли субъекта и предиката в случаях описания улицы, можно сделать вывод, что герой оказывается брошенным, одиноким на улицах города, он теряется.

Писатель подчеркивает, что жизнь улиц и самого Петербурга заключают в себе собственно обитатели города, труженики. Город не спит, бодрствует в любое время суток, источник этого – деятельность людей. Вечером, когда окончены все дела, люди стараются отдохнуть и развлечься. *Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, – когда все уже отдохнуло после департаментского скрыпения перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неутомимый человек, – когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несетя в театр; кто на улицу, определяя его на рас-*

*смастриванье кое-каких шляпенок; <...> [1: 132-133]. Так, обобщенный субъект – **чиновный народ** (то есть «чиновники») (*чиновник* – 'имеющий какой-нибудь чин, служащий на государственной службе'), характеризуется с помощью предикатов – **наелся** (*наестся* – 'насытиться'), **отобедал** (*отобедавать* – 'кончить обедать – есть обед, принимать пищу, есть что-нибудь в качестве обеда'). Происходят указанные действия, когда **потухает петербургское серое небо**. Подлежащее **небо** – 'видимое сверху над землей пространство в форме свода, купола; небосвод', сказуемое – **потухает** (*тухнуть* – 'то же, что гаснуть'), атрибутивное значение вносят прилагательные **петербургское, серое** – 'перен. О погоде: пасмурный'. Возникает образ вечно серого, тусклого, пасмурного неба, характерного для Петербурга.*

Как же отдыхают и развлекаются чиновники? <...> **чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несетя в театр; кто на улицу, определяя его на рассмастриванье кое-каких шляпенок**. Здесь действия, называемые глаголом **спешат** (*спешить* – стараться что-нибудь исполнить, довести до конца в возможно более короткий срок) и перифрастическим оборотом **предать** ('подвергнуть действию чего-нибудь') **наслаждению** ('высшая степень удовольствия (чувственного, душевного, умственного)') указывает, что все готовится к отдыху, причем ради него жители (**чиновники**), наоборот, оживляются, бегут кто в театр, кто **на улицу**. Заметим, что в пространстве гоголевского Петербурга эти люди выходят на улицу даже ради того, чтобы посмотреть на хорошеньких девушек (*определяя его [вечер. – Т. Р.] на рассмастриванье кое-каких шляпенок*). Улица у Гоголя становится местом развлечения и наслаждения.

Автор указывает, что город бодрствует и ночью. Признак бодрствования – свет, освещенность. Это же и показатель праздности: **На улице все еще было светло**. (12 часов ночи) *Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания [1: 147]; Отчаяние овладело им, тем более что народ беспрестанно умножался на улице, по мере*

того как начали отпираться магазины и лавочки [1: 46].

Итак, в первом контексте Н.В. Гоголь дает описание ночи. Ночь – время отдыха и сна, восстановления сил, однако не все жители отдыхают в это время, некоторые бодрствуют, из их окон льет свет, освещая улицу. **Лавчонки(а)** – ‘(уменьш.-уничиж. к лавка 2) – мелкое торговое заведение, небольшой магазин’, **(были) отперты** (*отпереть* – ‘открыть (закрытое на замок, на задвижку и т. д.)’), **показывали** – (*показать* – ‘дать видеть, представить для разглядывания’ (**струю света**)). **Свет** – ‘освещение, исходящее из какого-нибудь источника и воспринимаемое зрением’. Свет в данном случае искусственный, поэтому на улицах светло даже ночью. Следовательно, даже ночью люди не спят, они не только развлекаются, но и работают, то есть обеспечивают ночную жизнь города.

Далее дано описание утра (в традиционном противопоставлении *день-ночь, свет-тьма*), когда город просыпается, открываются все магазины, люди выходят на работу. **Народ** – ‘люди (разг.)’ характеризуется предикатом **умножался** – (от *множить*) – ‘увеличивать в числе, умножать’. Деятельность людей отражают также и однородные подлежащие **магазины, лавочки** (метонимические ЛСВ предполагают сему ‘человек’). Начало этой деятельности представляет составное глагольное сказуемое с фазисным компонентом **начали** (*начать* – ‘приступить к какому-нибудь действию’ и основным компонентом – инфинитивом **отпираться** ‘(*отпираться* – ‘открыть’), которые выражают содержание предиката, транслируя семантику экономической деятельности. Таким образом, автор утверждает, что источником жизни города является деятельность людей, именно они заполняют все **улицы** Петербурга.

Улица является показателем социального расслоения людей. «Маленькие люди» (такие, как Башмачкин) бедны, одиноки и беспомощны, поэтому они вынуждены ютиться на узких улочках в маленьких и грязных каморках. Н.В. Гоголь в «Шинели» противопоставляет улицы, на которых живут бедные люди, Невскому проспекту, который «по карману» кажется исключительно богатым. Там дорого снять жилье, дорого купить вещь – дорого жить. Именно такую характеристику Невского проспекта автор вкладывает в уста портного Петровича, нахваливающего Башмачкину новую шинель: *Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору. Петрович не упустил при сем*

случае сказать, что он так только, потому что живет без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дешево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят рублей [1: 143]. В данном контексте, автор, противопоставляя **небольшую улицу** (*небольшой* – ‘малый, ограниченный в размерах, в числе, в количестве, во времени’) и **Невский проспект** (центральную улицу Петербурга), воссоздает социально правдивые образы бедных и богатых в контрасте, соотнося их с театральными героями, одни из которых играют главные роли (богатые), другие довольствуются второстепенными (бедные). Актуализируется в произведении концепт «Весь мир – театр» [5], возникает тема театра и игры актера на сцене, полное раскрытие темы происходит в «Записках сумасшедшего»: *Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо* [1: 143]. Н.В. Гоголь изображает Акакия Акакиевича Башмачкина хоть сколько-нибудь заметным человеком, только когда тот заказывает новую шинель. Только на улице человек обретает определенный статус, только на улице он может идти важно, размеренно или, наоборот, плестись, бежать, скрываясь от посторонних глаз.

Итак, образ **улицы города** раскрывается в следующих аспектах:

1. Улица – открытое пространство вне дома;
2. Улица – место передвижения людей;
3. Улица – зеркало неудач человека, его жизненных поражений;
4. Улица – показатель социального расслоения жителей (там, где живут богатые люди, ходят хорошо одетые дамы и господа, проезжают экипажи, кареты);
5. Улицы и город существуют только благодаря деятельности людей, даже ночью город бодрствует;
6. Люди – источник жизни города, но город не оберегает их и не защищает, человек оказывается совершенно одиноким в этом огромном городе, на этих бесконечных и запутанных улицах.

Образ **улицы** города, представленный Н.В. Гоголем на страницах повести «Шинель», многоаспектен. В тексте произведения в качестве яркого средства представления образа улицы выступают слова с имплицит-

ными или эксплицитными семами 'человек/люди'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гоголь Н.В. Собр. Соч. в 6 тт. Т.3. //Петербургские повести // Шинель. – М., 1959. – 365 с.
2. Толковый словарь русского языка/Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1-4. – М., 1935-1940. Эл. версия.
3. Словарь синонимов русского языка/ ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 2001. – 648 с. – С. 60, 157.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М., 2004. – С. 948-960.

T. Ryabinicheva

IMAGE OF STREET IN THE "OVERCOAT" N. GOGOL'S: ASPECTS OF THE NOMINATION AND PREDICATION

Abstract. In the article artistic space of Petersburg in N. Gogol's «Overcoat» is examined through predicative constructions in combination with a lexeme «street» on purpose to reveal characteristic features of the capital's streets.

Key words: nomination, predication, predicate lexicon, N. Gogol's idiosyncrasy.

УДК 811.161.1'37

Ткаченко О.Ю.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЕКСТОВ ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ И ЖИТИЯ СТАРЦА ЗОСИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу системы значений ключевых «символических» слов в текстах двух «идеологических центров» романа, а также описанию семантических процессов и трансформаций в этой системе, существенных для формирования идиостиля писателя и композиции «Братьев Карамазовых».

Ключевые слова: лексико-семантические связи, лексико-семантическое поле моральной оценки, «символические» слова, семантика, идиостиль Ф.М. Достоевского.

Целью настоящего исследования является изучение лексико-семантических связей текстов Легенды о Великом инквизиторе и Жития старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [1].

Согласно первоначальному творческому замыслу Ф.М. Достоевского, последнее слово старца Зосимы должно было войти в кульминационную книгу «Pro и contra», чтобы в ней стать, по словам самого Достоевского, «опровержением богохульства». Позднее, когда стало известно, что поучение Зосимы составит отдельную книгу, Достоевский писал в письме К.П. Победоносцеву: «ответом на всю эту отрицательную сторону я и предположил быть вот этой 6-й книге, «Русский инок», которая появится 31 августа

та. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она *достаточным ответом*. Тем более, что ответ-то ведь не прямой, не на положения прежде выраженные (в «Великом инквизиторе» и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо противоположное выше выраженному мировоззрению, – но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине» [1, 30, 122]. Таким образом, оба текста (Легенда и Житие) являются ключевыми идеологическими центрами романа, в котором «идея становится центром и своего рода героем» [2, 262].

Весьма важно также и то, что Легенда о Великом инквизиторе и Житие являются вместе с тем и двумя *произведениями* главных его героев. То, что инквизитор – плод фантазии и выразитель идей Ивана, очевидно, но стоит обратить внимание и на авторство Жития старца Зосимы. Традиционно в литературоведческих работах приводится подробный анализ образа инквизитора именно как героя поэмы Ивана и связи этого образа с мыслями и идеями автора поэмы, тогда как образ Зосимы, насколько нам известно, ранее не рассматривался в контексте отображения в нем идей другого героя «Братьев Карамазовых» – Алеши как автора Жития. Между тем указание на это содержится не только в заглавии второй части «Русского инока», но

* © Ткаченко О.Ю.